

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-4-428-435

Повседневная жизнь населения крупного города в нормативном измерении: практики обхода городских институционализованных норм и правил

Елена Петровна Евдокимова

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (РАН), Санкт-Петербург, Россия, ee34@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыта проблема встроенности институционализованных норм и правил в повседневную жизнь городского населения. Нормы и правила рассмотрены как нормативные измерения многомерного городского социального пространства. Определены нормативные рамки различных сфер повседневной жизни населения, в том числе семейной, жилищной, трудовой, потребления и досуга. Соотношение принятия/непринятия норм с одной стороны и следования им / обхода их с другой показано с позиций ситуационистского подхода. Приведены оценки распространенности таких форм рутинного обхода институционализованных норм, как гражданские браки, проживание не по месту регистрации и неформальная занятость.

Ключевые слова: институционализованные социальные нормы, повседневная жизнь, городское социальное пространство, городское население, неформальные практики

Для цитирования: Евдокимова Е. П. Повседневная жизнь населения крупного города в нормативном измерении: практики обхода городских институционализованных норм и правил // Социология и право. 2022. Т. 14. № 4. С. 428–435. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-4-428-435>

Original article

Everyday life of the population of a large city in a normative dimension: Practices of bypassing urban institutionalized norms and rules

Elena P. Evdokimova

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (RAS), St. Petersburg, Russia, ee34@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the embeddedness of institutionalized norms and rules in the everyday life of the urban population. Norms and rules are considered as normative dimensions of a multidimensional urban social space. The normative framework of various spheres of everyday life of the population — family, housing, labor, consumption and leisure — is considered. The ratio of acceptance/non-acceptance of norms, on the one hand, and following them/bypassing them, on the other, is considered from the point of view of a situationist approach. Estimates of the spread of such forms of routine bypassing of institutionalized norms as civil marriages, residence outside the place of registration and informal employment are given.

© Евдокимова Е. П., 2022

Keywords: institutionalized social norms, everyday life, urban social space, urban population, informal practices

For citation: Evdokimova E. P. Everyday life of the population of a large city in a normative dimension: Practices of bypassing urban institutionalized norms and rules. *Sociology and Law. 2022;14(4):428-435.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-4-428-435>

Введение

Повседневная жизнь горожан протекает в городском пространстве, конфигурация которого определяет доступность тех или иных повседневных практик. Например, различные физические перемещения, с одной стороны, связаны с размещением таких объектов, как жилище, место работы, торговые предприятия, школы, магазины, театры и т. д. С другой — траектории перемещения определены различными барьерами (среди них — здания, рельеф местности, заборы, магистрали и т. д.), а также конфигурацией маршрутов городского транспорта. Вместе с тем поведенческие практики различаются на городских территориях: в ресторане, храме, школе, магазине, больнице, банке люди ведут себя по-разному. Разнообразие мест труда, досуга, удовлетворения различных потребностей во многом определяет привлекательность крупного города как места повседневной жизни. Однако комфортность городской среды в значительной мере зависит от сочетания повседневных практик жителей. Именно в повседневных практиках горожан происходит воспроизводство социального пространства города.

Теория

Можно утверждать, что повседневная жизнь населения крупного города протекает в сложном и многомерном городском социальном пространстве [1]. Репертуары повседневных практик, с одной стороны, определяются физической конфигурацией городского пространства, с другой — нормативными предписаниями и ограничениями, действующими как на разных территориальных объектах, так и в пространстве социальных позиций.

Город как физический объект занимает определенное место в четырехмерном физическом пространстве-времени. При этом единство пространственно-временных измерений проявляется в том, что расстояние в контексте жизни в городе измеряется не столько в метрических единицах (метрах-километрах), сколько в темпоральных (времени, необходимом для перемещения между точками пространства). Обращение к социальным нормам как к измерениям городского пространства позволяет опереться на обширный пласт теоретических разработок [2, р. 79; 3, р. 133; 4; 5, с. 35]. Социологические теории норм объясняют механизмы возникновения, поддержания и изменения норм, а также их сложный, соотносительный характер, их встроенность в контекст взаимодействия, различия между принятием легитимности нормы и следованием ей [5, с. 37].

Принятие или непринятие норм как внешних регуляторов поведения вытекает из их соотношения с ценностями как внутренними оценочными координатами, что позволяет говорить о сложной ценностно-нормативной системе регулирования поведенческих практик населения [6, с. 34; 7, с. 190]. Вместе с тем многие исследования показывают, что ситуационные факторы влияют на выбор поведенческих практик не менее, если не более, чем разделяемые ценности [8; 9, с. 15].

Нормативные измерения придают городскому пространству качество социального поля, наполненного энергией социальных взаимоотношений и взаимо-

действий [10; 11, с. 137]. При этом относительная автономность различных сфер жизнедеятельности, множественность полей, детерминирующих каждую ситуацию, актуализирует процесс символической борьбы, приводящий к принятию или обходу тех или иных норм, заданных властными институтами.

Властно-гражданские отношения в повседневной жизни горожан содержат внутреннее противоречие. С одной стороны, «в качестве общего принципа малые порядки повседневности противопоставлены власти и ее проводникам — официальным институтам» [12]. С другой — «внешние силы и инстанции», выстраивающие «официальный строй жизни» [12], задают нормативные рамки и для повседневных практик. Более того, повседневность как «плавильный тигль» [13, с. 39] предполагает интеграцию внутренних и внешних порядков в рутинных, привычных, обыденных практиках. Разделение и анализ взаимодействия этих порядков становится ключевой исследовательской задачей.

Результаты и обсуждение

Обращаясь к разным сферам жизнедеятельности, можно выделить установленные властными структурами правовые нормы, регулирующие соответствующие практики. Находясь дома, граждане пребывают в сфере действия жилищного законодательства, наделяющего властные органы функцией контроля за использованием и сохранностью жилого фонда (ст. 2 Жилищного кодекса Российской Федерации). Кроме того, Семейный кодекс РФ регулирует взаимные обязательства членов семьи в отношении друг друга, особенно в отношении детей. Передвигаясь по городу, жители становятся участниками дорожного движения, подчиняясь соответствующим правилам.

Покупая товары и приобретая услуги, граждане вступают в отношения, регулируемые Гражданским кодексом РФ, фиксирующим права физических или юридических лиц в отношении вещей, движимого и недвижимого имущества, продукции деятельности, животных и даже нематериальных благ. Наконец, на рабочем месте, где бы оно ни находилось, работник оказывается в сфере действия трудового законодательства, регулирующего трудовые отношения — отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении за плату трудовой функции. Они накладывают на работника и работодателя дополнительные обязательства как по отношению друг к другу, так и по отношению к государству, и законодатель специально оговаривает, что «заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается» (ст. 15 Трудового кодекса РФ).

Соблюдение/несоблюдение установленных правил может быть основано на их принятии или непринятии на ценностном уровне, их признании или непризнании справедливыми. Однако отношения между внутренним принятием норм и их внешним соблюдением в действительности более сложны. С одной стороны, можно следовать нормам, которые внутренне не принимаются, воспринимаются несправедливыми, например, из опасения санкций. С другой — даже признанные вполне справедливыми и легитимными нормы могут быть нарушены в ситуации, если издержки (материальные или временные) их соблюдения превышают издержки их нарушения.

Это прослеживается на примере Правил дорожного движения. Развитие международных коммуникаций и мобильности позволяет увидеть, что одни и те же люди, оказываясь в разных социокультурных обстоятельствах, ведут себя по-разному. Они неуклонно соблюдают предписанные правила в одних странах

(в них соблюдение правил делает передвижение комфортным, однако нарушение влечет неприятные последствия), но ориентируются преимущественно на дорожную ситуацию — в других (пытаясь соблюдать правила иногда можно никуда не приехать). Такое нарушение, не связанное с принципиальным отторжением норм и зачастую не вызывающее весомых санкций, скорее, можно характеризовать как обход.

Обход норм, установленных властными структурами, проявляется в различных неформальных практиках: гражданских браках, проживании без прописки, неформальной занятости. Распространенность этих практик не поддается точному учету, поскольку они в большинстве случаев выпадают из официальной статистики, усложняя повседневную жизнь людей и социальных процессов, которые в этой жизни преломляются. Однако опросы и экспертные оценки позволяют утверждать, что в таких практиках участвует значительная доля населения.

Так, по оценкам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [14], в 2020 г. в незарегистрированном браке проживал каждый десятый россиянин. Этот вид обхода правовых норм связан со сложными межличностными отношениями, в них социальное и личное переплетено наиболее тесно. Социологическому анализу поддаются социально-экономические и социокультурные аспекты данного явления [15; 16, с. 142].

Проживание не по месту регистрации относится к числу административных правонарушений (ст. 19.15.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях), хотя не наказуемо, если место регистрации и место фактического проживания находятся в одном субъекте Федерации (для городов федерального подчинения Москвы и Санкт-Петербурга областная прописка допустима, а для Севастополя допустимым местом прописки является Крым). Масштаб этих расхождений требует специальных расчетов, основанных на оценках и допущениях. Приведем несколько примеров.

Руководитель Исследовательской группы «Картфонд», директор Центра геодемографии и пространственного развития Московского государственного университета (МГУ) имени М. В. Ломоносова А. Н. Панин в интервью сотрудникам Фонда «Общественное мнение» [17] отмечал: «Мы, кроме официальной статистики, используем в работе первичные данные. Например, анализируем похозяйственные книги, ведомственную статистику, большие данные и многое другое. ... они ... позволяют понять разницу между де-факто проживающим и де-юре прописанным населением. Расхождение обычно составляет от 10 до 30 %. Официальная статистика этого не учитывает».

В рецензии [18] на книгу Е. С. Шоминой о развитии аренды жилья приведена численность нанимателей жилых помещений у физических лиц — именно в такой ситуации чаще всего возникают расхождения формальной регистрации и фактического проживания — А. С. Пузанов пишет: «Хотя Всероссийская перепись 2002 г. и дает нам цифру 4,4 млн человек, “снимающих жилое помещение у отдельных граждан”, ее можно считать существенно заниженной. Большинство экспертов сходятся в том, что внаем сдается не менее 8 % жилья, находящегося в собственности граждан, а значит, нанимателей у физических лиц, не менее 9 млн». Однако установить точное количество нанимателей, зарегистрированных по месту проживания, на основе этих данных невозможно.

Еще одним источником информации о проблеме могут служить результаты опроса должников по оплате жилья в Санкт-Петербурге, проведенного в 1999 г. группой под руководством Н. Р. Корнева [19, с. 31]. В этом опросе указан состав домохозяйств (всего опрошено 414 домохозяйств и получены сведения о 1 478 гражданах), и отличия состава семьи, по данным регистрации, от реаль-

ной обнаружены почти в половине домохозяйств (48,6 %). Эти данные, конечно, не могут быть экстраполированы на население России или Санкт-Петербурга, поскольку объектом исследования была специфическая группа, отличающаяся пониженной аккуратностью в отношениях с официальными структурами. Тем не менее нам представляется, что доля таких людей среди населения как минимум статистически значима.

Это исследование проливает свет и на причины расхождения. Типичные ситуации связаны, как правило, с проживанием взрослых детей отдельно от родителей (в съемном жилье без регистрации), незарегистрированным браком или незарегистрированным распадом семьи. Наиболее подробно изучена неформальная занятость, оценки ее масштаба дают эксперты, международные аудиторы-консультанты. По данным Росстата [20], они оценивают численность занятых в неформальном секторе в 15,45 млн человек, что составляет пятую часть жителей России трудоспособного возраста (от 15 до 72 лет). Однако, несмотря на значимость проведенного исследования, необходимо отметить, что эти международные эксперты оценивают число занятых в неформальном секторе, то есть нанятых у физических лиц или трудящихся на предприятии, не зарегистрированном в качестве юридического лица. Речь идет о самозанятых, индивидуальных предпринимателях (ИП; зарегистрированных и незарегистрированных) и их сотрудниках, работниках семейных предприятий без статуса юридического лица. При этом существует как вероятность работы в этом секторе на основе официально оформленного трудового договора, так и работа без оформления в «формальном» секторе, что делает приведенную оценку приблизительной.

Р. И. Капелюшников [21], анализируя неформальную занятость в России, приводит колебания оценок от 5 до 30 % занятого населения. По итогам испытаний на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) различных применяемых методических подходов к определению неформальной занятости он также получил расхождение в зависимости от выбранных критериев от 11 до 24 %. Причем, по его данным, при смене определения изменяется не только оцениваемый масштаб неформальной занятости, но и ее социально-демографический профиль, факторы, влияющие на вытеснение работников в неформальную сферу.

Неформальной занятости посвящены многие работы в рамках исследований рынка труда и адаптационных практик различных групп населения [22; 23, с. 12; 24; 25]. Исследователи пишут о том, что неформальной часто оказывается вторичная занятость, то есть ландшафт сферы занятости имеет более сложную конфигурацию, поскольку одни и те же люди могут быть заняты и на формальной, и на неформальной основе [26, с. 30]. Однако чаще неформальная занятость характеризуется повышенной нестабильностью и социальной незащищенностью, что дает основание говорить о прекарности положения таких работников [27, с. 223; 28, с. 251; 29, с. 182].

Наиболее активно вовлечены в неформальные практики трудовые мигранты [30, с. 85; 31, с. 127], причем они часто сталкиваются и с проблемами регистрации проживания. Их семейный статус оказывается размытым уже с учетом временного переезда в Россию. В результате их позиция в социальном пространстве крупного города оказывается неустойчивой и неопределенной по многим параметрам, а их рутинная повседневная жизнь получает черты экстремальности.

Все описанные формы обхода институционализированных норм усложняют анализ процессов, протекающих в различных сферах жизни населения. Наличие и распространенность таких поведенческих практик снижает надежность использования данных официальной статистики для анализа и прогноза развития раз-

ных сфер жизни населения. Выявление и учет закономерностей неформальных практик может скорректировать эти погрешности и в итоге способствовать лучшему пониманию общества, в котором мы живем.

Выводы

Анализ властно-гражданских отношений, встроенных в повседневную жизнь городского населения, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Повседневная жизнь населения крупного города протекает в многомерном социальном пространстве, одним из измерений которого является нормативное.
2. Нормативное измерение придает городскому пространству качество социального поля, поведенческие практики в этом поле носят ситуативный характер.
3. Властно-гражданские отношения в повседневной жизни населения проявляются в принятии, следовании институциональным нормам или уклонении от них, их обходе.
4. Практики обхода институциональных норм широко распространены, хотя практически не поддаются точному учету. Однако качественный анализ может быть полезен для понимания факторов и механизмов появления и распространения таких практик.

Список источников

1. Социальное пространство большого города: монография / под ред. Г. В. Еремичевой. СПб.: Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического Центра (ФНИСЦ) РАН, 2018. 392 с.
2. *Durkheim E.* Introduction to ethics // *Durkheim: Essays on Morals and Education* / ed. W. S. F. Pickering. London, Boston and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1979. P. 79–96.
3. *Coleman J. S.* Norms as social capital // *Economic imperialism: The economic method applied outside the field of economics*. New York: Paragon House, 1987. P. 133–155.
4. *Parsons T.* The structure of social action: A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. 2 Vols. New York, London: The Free Press — Collier-Macmillan Limited, 1968. 838 p.
5. *Девятко И. Ф.* Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 35–43.
6. *Левченко И. А.* Ценностно-нормативная регуляция социальных процессов: сущее и должное // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 8. С. 34–37.
7. *Покровская Н. Н.* Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. 10. № 1. С. 190–198.
8. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского. М.: Аспект-Пресс, 1999. 429 с.
9. *Хекхаузен Х.* Исследования мотивации: точки зрения, проблемы, экспериментальные планы // *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986. С. 15–33.
10. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
11. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // *THESIS*. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
12. *Голофаст В. Б.* Повседневность в социокультурных изменениях // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2002. № 1. С. 67–74.

13. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып. 1 / под ред. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.
14. ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке // Interfax.ru. 2020. 5 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения: 17.11.2022).
15. Беляева Т. В. Гражданский брак как объект социального регулирования // Грамота. 2015. № 5 (55). Ч. I. С. 33–36.
16. Ковалева А. В. Гражданский брак как дестабилизатор института семьи // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 1. С. 142–148.
17. Александр Панин: «Картографирование острых социальных проблем требует осторожности» // 2020. 19 июня. URL: <https://covid19.fom.ru/post/aleksandr-panin-kartografirovanie-ostryh-socialnyh-problem-trebuuet-ostorozhnosti> (дата обращения: 17.11.2022).
18. Пузанов А. С. Шомина Е.С. Квартиросъемщики — наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. — М.: Изд. дом гос. унта — Высшей школы экономики, 2010. — 364 С. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 4. С. 227–234.
19. Задолженность населения за жилье: социологический анализ / под ред. Н. Р. Корнева. СПб.: Норма, 2000. 80 с.
20. Бойко А. Неформальная занятость растет вместе с экономикой // Ведомости. 2021. 15 сентября.
21. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. 84 с.
22. Синяевская О. В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. М.: Поматур, 2005. 56 с.
23. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 12–24.
24. Гилпельсон В. Е. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. 56 с.
25. Slonimczyk F. The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 64 p.
26. Перова И., Хахулина Л. Неформальная вторичная занятость: масштабы и структура // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 6. С. 30–32.
27. Евдокимова Е. П. Профессиональные траектории петербуржцев в эпоху перемен: усиление гибкости и тенденции прекаризации // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докладов конф., Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 223–231.
28. Еремичева Г. В. Жизненные траектории и прекаризация трудовых отношений в сфере занятости (на примере жителей Санкт-Петербурга) // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докладов конф., Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 251–261.
29. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новое явление на рынке труда // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докладов конф., Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 182–191.
30. Воробьева И. В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 85–95. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-85-95
31. Игнатова С. Н., Порецкина Е. М. Трудовая миграция как фактор консолидации/деконсолидации российского общества // Социально-структурные факторы консолидации российского общества: монография / отв. ред. И. И. Елисеева, Г. В. Еремичева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 127–168.

Информация об авторе

Е. П. Евдокимова — научный сотрудник сектора социоурбанистики; 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Information about the author

E. P. Evdokimova — research of the Sector of Socio-Urban Studies; 25/14 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 14.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 14.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.